

ВЫСОКО ПОД ОБЛАКАМИ

Окно выходит в колодец двора, одни и те же лица вечерами встречают взгляды друг друга.. Он сидел у окна, за столом. Она - за шкафом - в полуслух говорила:

- Ты понимаешь или нет, что живешь не один. Есть я, есть Вовка... Скажи, ты любишь меня? - Он пожимает плечами, хотя здесь никто его не видит. С привычным отчаянием погружается в ее голос. - Я не сплю ночами. Мне хочется всегда плакать - рядом со мной чужой человек. Зачем, зачем все это! - Жена плачет. - Мне неприятны твои объятия. Я чувствую себя проституткой. У тебя какая-то своя жизнь - знаю. Уважаю ее заранее. Но мне страшно, когда ты сидишь, как сейчас за столом. Мне кажется, ты встанешь и скажешь: "ухожу", - потому что пришла к тебе такая идея. Я уверена, что ты можешь убить... Да, да, - усталое прощение в этих "да", - ты не виноват. Такой ты есть, не я не могу так больше! Ни минуты покоя... и молчание...

Жена плакала в подушку и плачом звала его. А он поднял глаза к потолку и вспомнил, что утром на работе вот также вдруг засмотрелся рассеянно и, будто бы продолжая расчеты, с которыми его торопили, записал:

Вынырнул из сна,
как из глубины,
и вижу стену
жениной спины.
и ржавый абажур,
как купол цирка,
в куполе посередине
дырка.

Эта черная дыра целый день зияла над ним, похожая на черное небо планетария: там техник по команде лектора включает и выключает созвездия и поворачивает зодиак. Он сам придумал эту дырку и раскрыл ее над собой, как зонтик в бледном небе осени.

- Никто бы не мог с тобой жить. Никто! Нет такой дуры! Нет! - горячий воздух ненависти метался за шкафом.

Он вышел в коридор, надел плащ и кепку. Недоумение поворачивало его и на плач, и к Прохорову, наколачивающему набойку на женский туфель, и ко Льву Семеновичу, в подтяжках разговаривающему до телефонной трубкой.

Вышел на лестницу и начал спуск, вначале по меланхолическим ступеням старого дома, потом - на эскалаторе метро. Мир был прочен и постоянен. Поезда с высот гаммы переходили на басы - останавливались. В гулком воздухе подземелья люди перебегали с поезда на поезд. "А-вот и она!" Маленькая женщина в сером платке перебирала на торговом столе марки, конверты, газеты и непрестанно заглядывала вниз, в скрытые от пассажиров ящики, казалось, там хранилось что-то беспокойное и капризное. И так каждый вечер. Одна торговка на все-все станции метро. Неизвестно, чья дежурная. Все знали ее, а она, наверно, никого.

Занятый лавированием, он стал думать о том, что эти люди не знают, а не знают они о том, что в наше время невозможно умереть от голода. Это большое его открытие. Но люди не знают об этом и живут по-старому, но знают, что дистрофику нужно дать немножко мясного бульона, потом рисовую или манную кашу. "Побольше масла". Врача вызовут, в больницу положат, - откормят и пустят: гуляй. В вагоне-думади в упор смотрел на женщину, - просто она сидела там, куда он смотрел. "Я безразличен к Вам", - как это ей сказать, сказать просто-нельзя, потому что она подумает: "о, я..ему..совсем небезразлична". Она расправила на коленях юбку, как расправляют скатерть и рассматривала его.

Ни в одном языке нет, наверно, слов, которыми можно сказать: "я совершенно безразличен". То, что этими словами не выражается и есть язык разглядывания юбки, цирковых куполов, женского плача. Вавилонская башня! Она не рухнула, она растет. Ее строят разноязычные. Поэтому я и молчу, и молчу. Чего вы хотите! "Нам отгрузили вагон цемента", "Я купила сарделек". Любой разговор можно нарисовать. Потому что еще Египет.

Он остановился на углу улицы, повернул голову радостно

направо и налево. Лицевая морда быка в витрине. Дальше — бокал с тонкой талией. Плакат, призывающий соблюдать правила уличного движения: машина, задрав нос, наезжает на мальчика.

— Дайте, пожалуйста, прикурить.

Он вникал в склонившуюся к его папиросе голову. "Дайте, пожалуйста, прикурить" — ненужность, да покажи неначатую сигарету. Все прекрасно зачеркивалось и сокращалось, — только показывать и рисовать. Улица была бы красивее. Слова превратили людей в тени, бредущие друг подле друга непонятно зачем. А какие бы могли быть прекрасные жесты! Кисти рук в профиль, как на египетских иероглифах. Сутулых бы не было, — руки не скучали бы в темноте карманов. Все понимали бы друг друга до конца. Башня стала бы расти быстрее. Ведь все равно растет.

— Я помню, — говорил он знакомой женщине, обрадованной непаянной встречей, — как меня однажды смутило: жест вверх, — эта дырка, эта пустота. Туда, в эту пустоту, как в вытянутую трубу, уносило всю доброту, молитвы, признания... Эту дырку прекрасно изображал Леонардо да Винчи. Помните голубизну в Монне Литте! Повальное бегство! Дезертирство! — Он смотрел вверх, а женщина улыбалась и прикасалась к нему. И цирк, о куполе которого он написал сегодня утром стихотворение, хотя о нем не было сказано ни слова, виделся ей, купол, похожий на свод планетария, или небо, похожее на купол цирка.

— Что это такое? — спрашивал он. — В высокий ум? В высокое чувство? Более высокое? Высокая наука? Высшее общество? И даже главверх? И теперь эта башня Вавилонская...

— Какая башня? — спросила женщина, щурясь от тепла его руки и голоса, неправдоподобно доверчивого.

— Это неизвестно! — повернулся он к ней с огорчением. И замолчал. Забыв о ее руке, которую держал в своей. Она чуть шевелила пальцами. Потом ее язык проник за его губы.

По каналу плыл осенний сор. В стороне горбился мост с фонарями. Листья тополей в темноте шептались и устраивались.

— Поднимемся ко мне, дадна? — сказала она, смотрясь в его взгляд. Я хочу, чтобы ты рассказал мне о башне.

— Я хочу остаться здесь. —

— А ты, смешной. Видишь, — вот это мой дом.

— Я не пойду к тебе, — он в самом деле хотел остаться здесь, потому что опасался тесных комнат.

— Прости, не смешной, — серьезный. Смешная я. И совсем не понимаю, как я понимаю тебя... Эта вытянутая труба делает нас несчастными. А если держаться крепко-крепко? ... Какая я сейчас дурочка! ..

— Ты дурочка! — удивился он.. .

Женщина рассмеялась, он улыбался тоже. Она скрывала лицо за воротником, отворачивалась от прохожих, и там, вдали, блестели ее глаза, и вместе с ним удивлялась:

— Да, удивительная дурочка! Ты даже не можешь себе представить!

Смеялась и потом серебряным колокольчиком в темноте. Сидела у него в ногах белым привидением: мальчик, извлекающий занозу.

— Я хочу знать про Вавилонскую башню. Я совсем безрелигиозная. До ужаса! Мой-мой хороший человек!

"Мой-мой" он зажеркнул, — потом — "хороший". Осталось только "человек" и вавилонская башня. Повернулся к стене — к ковру, чернеющему в бледном свете окна.

— Ты понимаешь, — сказал он с усилием... — дай мне, пожалуйста, папиросу... — Внимательно оглядел ковер, когда спичка всыхнула, и передал ее, потухшую, женщине. — Все несется туда, к облакам, соборы и дома.. Однажды, я видел человека на позолоте купола, — он подправлял там что-то. И Акрополь — он тот же купол, только основание у него — холм. Человек, это маленькое темное пятнышко, подправлял вечное. Ты меня понимаешь? Это не просто объяснить, почему ходят дома широкие и низкие. Они всегда вдруг оказываются линиями. Эти дома не взрослеют. А через сто лет вызывают недоумение... Как я рад, что нашел это слово: н е д о — у. м. е. и. е. Вертикальная линия непобедима, и женщины встают на каблуки, а мужчины выпрямляют походку. Они думают о бравости или красоте, а это геометрия че-
ловека. Но...

« Но? » произнесла женщина. « Я хорошо слушаю тебя..

« Но успокаивает только вмешающее все-все. Как я это чувствую! Я ничего не могу отрезать, я ни с чем не могу расстаться... Если трубка телефона повешена, я продолжая разговор... Как хорошо ты сказала про себя: "удивительная дурочка"! Ведь ты много читала, видела, слушала... "Евгения Онегина" читала?

« Да. ... .

.. « И многое другое. Очень многое. Но ты сказала просто: удивительная дурочка, - и получилось не удивительная дурочка, а удивительная ясность, удивительная мудрость, удивительная умница.

.. « Как тихо, - ведя пальцем по векам и губам его, сказала она. Так не было тихо никогда. Как будто что-то случилось. Ты не хочешь больше говорить?.. Усни.

.. « он приподнялся на локте и, словно жалуясь на кого-то, заговорил: теперь, когда он нашел этот пример с вазой, а разве эта женщина не похожа на нее, - уже всем должно стать ясным то, что понял он.

.. « Ваза - это не фарфор и не стекло. Вот она - основание и боковая линия, - бегущая вверх. Мы радуемся ее победе линии, осыпившей плоскость, ее игре, беспечной и непонимающей, что такое опасность. Линия скользит все выше и выше, - он повел огоньком папиросы вверх. И не доверяем дохлому основанию, и нагости полета без опоры. Сердимся на громоздкость основания и на робость вертикального стремления. О, как лично мы относимся к вазам! Мы рассматриваем их, а судим о себе. И сердимся, если отрицают нашу собственную "линию жизни".

.. Он начертил огоньком папиросы вазу, потом она перехватила папиросу из его рук и тоже нарисовала ее. И молча, согласно, мечтательно, доверчиво смотрели на этот угасший экран. Слезы брызнули и она закрыла глаза. Она поняла, что этот контур в воздухе - единственное, что останется с нею. И не удивилась ни иллюзорности этого подарка, ни тому, что он был ничем-то хуже всех возможных других.

.. « Я в каждом буду видеть линию, - произнесла серьезно эту маленькую клятву. Ты хорошо это придумал. Как ты все это придумываешь!

— Это сказка, — сказал он.
— Ну-и-что ж! — сказала она.
— Тогда не сказка.

“Я не рассказал ей о Вавилонской башне”. Потом, думая о прохожих, удивился:.. “Как они могут жить!”. Иногда смотрел вслед родственным лицам. — Трамвай уже не ходил.

Низко плыли облака — неопрятные клочья ваты. Казалось, кто-то, большой и потный, мокал их в одеколон, вытирая шею и бросал, и они летели бесшумные, потерявшие невинность птицы.

Косо летели листья. Уносило полы плаща. Мусор бегом переселялся в другие дали.

— Мы на большой высоте, потому здесь всегда и ветreno, и облака близки. Мы не слышим жизнь земли, скрипы там, на фундаменте. Ведь фундамент всегда одно и то же, если его не трогать. Как будто Бога нет... Бог прочности, сопротивления металлов, камня, конструкций, мышц, нервов есть! Мы показываем Ему свои расчеты — но никто не знает, подписывает ли Он наши чертежи. Но кто-то подписывает. Мы заботливо следим, чтобы подписи были. И каждой птице смотрим вслед... Птицы несовершены. С каким отчаянием они ударяют крыльями, чтобы оторваться от земли. Мы иначе представляем полет, но в полете птиц есть понятная тайна: в какой-то миг нужно опору возненавидеть. Такова заповедь жизни. Или будешь убит своим собственным несовершенством... Истерт, как камень мостовых

— До единого слова признаю, — сказал человек, показавшийся слева. — Но, адью, мой дом за углом. — Приблизил стоячие глаза: — Но, по правде говоря, я все же не знаю, кого мне убить.

— Вы очень хорошо сказали. Я знаю, где вы находитесь. Прочертил в воздухе линию. — Вот здесь, видите! В самом начале. Вы возненавидели опору. Ненависть лишь начинает вертикальную линию. Потом ее ведет музыка, простота, возможно, любовь...

— Я не знаю, кого мне убить, — упрямо повторил человек уже издалека.

- Бросьте в канал шляпу, тогда поймете свою теорему.
- Вы думаете, не смогу! - крикнул человек, уже совсем издалека.

Шляпа взлетела вверх. Описала круг над рябой водой канала - летающая тарелочка! - перевернулась и упала среди киснущих в воде листьев.

Человек хохотал. Волосы кудрявились над лысым теменем.

"Ага! Священная болезнь. Симптомы: беспричинный смех и беспричинные слезы. Наступит век летающих тарелочек. Может быть скоро. После ненависти. И люди будут смеяться. Земля, полная смеха. Станет очень шумно. Люди будут падать ночью с постелей - не от ужаса, а от смеха. Тогда линия пойдет так. Вот так! Вот так!.."

- Где ты был? - у ворот дома спросила его жена. "Все было не так, продолжал он думать. Строители говорили на разных языках и она, башня, рассыпалась. Пыль еще не улеглась однако ~~же~~ родилось первое, общее понятие, которое понимают все: Вавилонская башня. Они построили совсем другое. Надо строить совсем другое, чтобы получилось то. Что?..."

В комнате жена обнимая говорила:

- Ты вернулся!.. Я так хорошо без тебя думала о тебе. О тебе и о себе. Только ты наверно так легко все можешь превращать в пустоту. Но что мне тогда делать со своей любовью! Что? Нет, я не стану тебя удерживать, когда ты становишься таким грустным. Но я прошу тебя: возвращайся, всегда, чтобы с тобой не случилось, возвращайся...

1965 г.

XXXXXXXXXX